

25 декабря 1984 года.

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

ВАЛЕРИЯ ВРУБЛЕВСКАЯ:

«НЕ УСТАВАТЬ РАБОТАТЬ...»

Многие считают, что главное в жизни — любовь, что если любишь, можно совершить подвиг. Это чувство действительно прекрасно, оно облагораживает нас, делает осмысленной нашу жизнь. Но сводить все к нему, по-моему, неверно. Любовь женщины к мужчине — это только часть жизни. Анна, моя героиня из «Визави», доктор медицинских наук, счастлива, хоть и прожила жизнь с человеком совсем другого духовного склада. Счастлива судьбой, которую своими руками выстроила для себя и других. Любовь... С нее только начинается жизнь, но держится она на долге, на труде.

Посмотрите, сколько разлада в семьях, где муж и жена, особенно молодые, ревниво ждут от другого проявлений любви. Раз, любящий — горы для меня должен свернуть, на руках носить. Я, честно говоря, не представляю себе любви, от которой чего-то хотят. Цветов, подарков, завтраков на подносе. Истина, мне кажется, в другом: хочешь, чтобы тебя любили, — люби сам. Если хочешь иметь друга — сам будь другом. Научись предъявлять претензии прежде всего себе.

Сейчас почему-то модной стала личность незакомплексованная, как говорят, уверенная в себе. Как правило, ей чужды внутренние сомнения, переживания. Нет проблем — и все можно достать, о чем угодно договориться. Пыют за здоровьем — единственное, мол, чего не купишь. Тревожна эта привычка мчаться по жизни без тормозов, этот напор в очереди за жизненными благами. Беда, мне кажется, в том, что мы не умеем ограничивать себя, слишком себе потакаем. Боимся себе в чем-то отказать.

А надо бы почаще доставлять себе такое удовольствие. Именно удовольствие, я не ошиблась. И чем скорее мы это поймем, тем свободнее будем чувствовать себя в этой жизни. Она должна представлять собой сумму ограничений для того, хотя бы, чтобы ощутить всю ее полноту, все разнообразие. Пересилив себя, чувствуешь такую свободу, могущество. Недаром говорят, что самая великая победа — это победа над собой.

Наверное, это под силу только незаурядным личностям!

Не думаю. Закалять себя духовно нужно с детства. И начинать с простого. Я, например, в пятом-шестом классе не могла пройти мимо лотка с мороженым. Ноги сами несли к продавцу. Мама знала за мной эту слабость и каждый день выдавала мне несколько монеток. Но потом в целях самовоспитания я мороженое совсем перестала есть, решив проверить свою силу воли.

Валерия Васильевна, а как Вы стали писательницей?

Влюбилась в Лермонтова. Он стал первой моей любовью в школе. Прочитав все и заучив наизусть добрую половину его поэм и стихов, я потянулась к литературе, музыке. А затем открыла для себя Шевченко, Пушкина.

На мой взгляд, в детстве очень важно найти любимого писателя, даже боготворить его, доверяться беспредельно. Важно, потому что литература — пособие человеческой жизни. И восприятие ее возможно только тогда, когда написанные кем-то слова отзываются внутри вас.

Когда я начала писать, писателей, родственных мне по духу, обнаружила много. Но в детстве, думаю, все-таки должен быть один. Может, поэтому я, как и все, начинала со стихов.

Первую свою повесть отослала в «Югоне» (это было в конце 50-х). Получила оттуда подробнейшее письмо. Мне посоветовали учиться и вложили в конверт список лите-

ратуры, обязанной мне помочь, — одни учебники.

Ну, а через три года я стала студенткой филологического факультета — поступила в Киевский университет.

Окончив его, Вы, однако, не ушли с головой в литературу...

Да, увлеклась философией, поступила в аспирантуру и некоторое время спустя стала преподавать студентам этику. Мне очень хотелось писать, но сдерживало сознание того, что еще плохо знаю людей, дружины человеческих взаимоотношений. Работая на кафедре философии, впервые захотела написать пьесу, которую так и назвала «Кафедра».

У ее героев, вероятно, были реальные прототипы?

Не в этом дело. Меня по-настоящему задела проблема общественного фарисейства. Вернемся к нравственности: преподаватель, читающий студентам основы любых наук, воспитывает их одним своим видом. Даже тем, каким движением он поправляет галстук. Что же говорить о его поступках. Лицемерие, бесчестность, хамство — все это заражает сам воздух в аудитории, а дышат им студенты — молодежь.

Ваша пьеса экранизировалась на ЦТ, идет во многих театрах страны, за рубежом. В одной Чехословакии спектакль «Кафедра» значится на афишах пяти театров. Вам как драматургу действительно удалось нащупать очень болезненный нерв в жизни.

Часто ли Вы сами бываете в театре? И вообще, что делаете, когда не пишете?

Прежде всего, даже когда пишу, работаю в отделе исторического материализма Института философии Академии наук Украины в Киеве. Надо сказать, подобрался у нас замечательный коллектив. Ценю его микроклимат, саму атмосферу в нем. Писательская работа предполагает одиночество и в чем-то обедняет душу. После труда за письменным столом чувствую, как мне не хватает духовного питания, спешу в институт.

Ну а дома я обыкновенная женщина — люблю готовить, убирать, кормить семью и встречать гостей.

В театре зрителем бываю не так уж часто. Но успеваю увидеть все, что меня интересует. Думаю, что нельзя стремиться только на яркие, шумевшие спектакли. Видеть надо и хорошие, и плохие. Плохие — чтобы не повторять чужих ошибок. А удача — для вдохновения.

В театре имени Леси Украинки на сцене лежит Ваша новая пьеса!

Ее репетирует режиссер В. Козьменко-Делинде. Никогда не считала себя специалистом по сельскому хозяйству и была несколько обескуражена, когда позвонили из Министерства культуры и заказали пьесу о современном селе. Вначале я запротестовала: писатель имеет право говорить лишь о том, что знает досконально. Но одновременно почувствовала интерес к новой для себя теме, решила, что свежий взгляд со стороны — мой плюс, а не минус. И засобиралась в командировку. Побывала на Волыни, объездила Херсонскую, Житомирскую, Черновицкую области. Встречалась с ветеранами в колхозах и молодыми агрономами, партийными работниками. С комбайнером с Херсонщины Татьяной Стрижак, Героем Социалистического Труда председателем колхоза имени Кирова Херсонской области Д. Моторным, киевским селекционером В. Головаченко. Старалась понять, увидеть изнутри людей, работающих на земле.

Если в двух словах, то главный герой пьесы «И прорастет зерно» — время. И написана она об ответственности перед временем. Оно проходит, оставляя для будущего наши дела. И вспоминать нас будут потому, что мы сделали, насколько удачно время свое отразили. Вот об этом речь. И еще одно явление я попыталась вскрыть в новой работе — общественную трусость. Чем она оборачивается для общества.

Когда ждать премьеры?

К весне. Все лучшее — весной...

Беседу вела К. ФОМЕНКО.

Валерия Васильевна, героиня одной из Ваших пьес выражает со сцены мысль, судя по всему, Вам не чуждую. «Все самое главное можно сделать только смолodu». — утверждает она.

Да, это слова Анны из пьесы «Визави».

...Видимо, Вы с нею солидарны. Тогда, если можно, расшифруйте смысл, запoложенный в этой фразе. Что самое главное? Совершить открытие? Слетать в космос? Защитить диссертацию?

Ну зачем же так буквально, в лоб. Главное, я считаю, научился ли молодой человек к своим 30 годам (возьмем условно этот возраст) любить и уважать труд, жизнь. Ценить ее. Это то, что должно закладывать смолodu и родителями, и учителями.

А не кажется ли Вам, что жизнелюбие как раз среди молодежи хватает. Разве не проявление любви к жизни афоризм «Один раз живем». А он, между тем, стал своеобразным моральным оправданием собственных не совсем благовидных поступков. Для тех, например, кто отлынивает от работы, кто собственный покой и удовольствия ставит превыше всего. Они тоже любят жить, да не просто так — с комфортом. Разница между ними и Вашей героиней, наверное, в неодинаковом понимании смысла жизни...

И в разном отношении к таким понятиям, как честь, совесть, порядочность, чувство собственного достоинства. Привить его (прошу не путать с чванством, высокомерием, тщеславием) — главное в воспитании. Человек с чувством собственного достоинства никогда не станет сознательно свою жизнь коверкать, транжирить ее на пьянство, безделье, скуку, или обманным путем добывать блага. А в конкретных повседневных поступках — не бopуется до примитивно-растительного существования, до того, чтобы потерять человеческий облик. Не позволит себе опуститься. Это очень важно; какие моральные запреты для человека существуют. На что он не пойдет ни при каких обстоятельствах.

А главное — это труд, и здесь я хотела бы вспомнить слова Ивана Франко:

Лишь труд стирает ржавчину густую,
Живую жизнь вдыхает в грудь пустую,
Родник иссохший может возродить.
Лишь труд упорный силы укрепляет,
Лишь труд вселенную перерождает,
В труде лишь, для труда лишь стоит жить!

— Что считаете Вы невозможным для самой себя?

— Лгать: писать и говорить неправду. С момента, когда мы начинаем произносить вслух не то, что думаем, мы обращаемся в циников. Не можете высказаться начистоту — лучше смолчи. Но вводить в заблуждение окружающих, да еще преследуя при этом корыстные цели, по-моему, просто безнравственно.

Сегодня, когда наши успехи во всех отраслях экономики так значительны, когда так стремительно растет технический прогресс, когда для человека в любом деле практически все достижимо, у многих создается впечатление, что и в отношениях между людьми, друг с другом все так же легко. Нет, мол, ничего недоступного. Все возможно. А ведь это не так. Наша жизнь с ее напряженным ритмом, динамикой требует особой нравственной чистоты, цельности, прочных моральных устоев.

Помню, как-то я была приглашена в гости в один дом. И поразила развязным стилем общения, разухабистым манерам. Причем, никого это не коробило, все, видно, воспринимали подобное в порядке вещей. Я, стараясь не привлекать внимание, засобиравшись уходить. Какой же ты писатель? — возмутился тогда один из моих знакомых. Ты просто ханжа. Тебе ведь должны быть интересны любые проявления человеческой натуры. А тут люди раскрепостились — они ведь не на работе, не на профсоюзном собрании. И потом, милая, кто же в чужой монастырь со своим укладом является?..

Не могу понять таких людей «с двойным дном», у которых одно лицо для службы, другое — для знакомых. Не могу и не хочу. И нет для меня ничего заманчивого в том, чтобы наблюдать дно человеческой души. То, что находится там, в самых ее закоулках, какие сорняки там буйствуют, — всем давно известно. Тысячелетия люди положили на то, чтобы пропалывать собственную душу, возделывать ее, как земледелец пашню, а мы будем вновь возвращаться к истокам первобытности?

Мне кажется, роль литературы и искусства возрастает сегодня еще и потому, что людям нужно помочь выработать точные нравственные критерии, желание заниматься строительством себя, изменять свой характер, дурные привычки, чтобы быть себя достойным. Во все времена быть человеком нравственным оказывалось непросто. Для этого требовался неустанный труд над собой, развивающий в человеке человеческое. Когда-то Чехов писал о том, что он за русскую литературу спокоен, потому что есть в ней Лев Толстой. Нравственный и профессиональный эталон. Образец писателя в самом высоком значении этого слова.

Сегодня к эталону должен стремиться каждый литератор, будь он хоть малым, хоть великим.

И еще одно добавлю: человек, любящий жизнь, не станет брать счастье любой ценой, не будет неразборчивым и всеядным. Если уж мы есть на этом свете, надо стараться жить достойно.

— Но как достичь этого?

— Я, может, повторюсь, но еще раз скажу: — Работать. Одна древняя мудрость гласит: хочешь вырастить человека — научи его добывать хлеб, но не давай его. Научай, но не обесценивай. А мы подчас бываем озабочены больше всего тем, чтобы чада наши ни в чем не ощущали недостатка — ни в еде, ни в одежде. Теперь, на мой взгляд, детей надо воспитывать по-иному, чем раньше. Искать другие методы. Другое сейчас время. Нас, детей военного поколения, не надо было учить любить Родину. Мне было шесть лет, когда я встречала в Житомире первые эшелоны с фронта. И мы, дети, считали своим долгом принести на вокзал цветы, яблоки — иногда даже из соседского сада — хотелось хоть чем-то солдат обрадовать.

Любовь к своей стране, сознание, что твоя земля, твой народ есть самое основное в жизни — нам об этом никто не говорил. Это пришло само собой, естественно, без назидания и дидактики. Этим жили все вокруг. О себе не заботился никто, отдавая до последней нитки все для фронта, для победы.

Потом, уже после войны, когда нечего было есть и мама делила одну горбушку на нас, троих детей, мы знали, что так же трудно всем, и, несмотря ни на что, надо вырасти, выучиться и жить, потому что жизнь — величайшее благо. Что-то, а цену жизни мы знали с малых лет. Наверное, с детства у меня осталась привычка дорожить сегодняшним днем, каждым его часом. Мне жаль тратить его на пустое.

Боюсь, что сегодня мы слишком слепо следуем призыву: все лучшее — детям, создавая им тепличные условия. Так вырастают иждивенцы. А ведь жить нашим ребятам не в оранжереях — на ветру под открытым небом. А некоторые из них привыкли к заботе, к подачкам, вошли во вкус безбедного существования за родительский счет. Каждый, разумеется, строит жизнь по своей шкале ценностей: для одного главное — семья, для другого — работа, но всегда для человека должно быть нечто, возвышающееся над его собственными интересами. Любовь к родной земле, дому, родителям должны быть выше его самого. Тогда появится желание отдавать, служить другому, быть ему в радость.

Валерия Васильевна, если взять все, что Вами в литературе создано (а это и биографический роман о Соломине Крушельницкой, и пьесы, и новый роман об Ольге Кобылянской), получится своеобразная коллекция женских характеров. В том, что Вы пишете преимущественно о женщинах, вероятно, авторская позиция!

— Меня поражают мои великие соотечественницы. К именам уже названным можно добавить Софию Ковалевскую, Лесю Украинку, Марию Заньковецкую. Моя мечта рассказать о каждой. Как эти женщины были нужны своему времени, обществу. Каждая из них воспринимала долг перед ним как свой личный, кровный. А как они любили жизнь. Как умели бороться за чужое достоинство. И сами умели быть счастливыми.

— Вы считаете, этому можно научиться?

— Убеждена. Ведь что такое счастье? Полная гармония со своей природой и окружением, идеальное равновесие между нашим внутренним и окружающим нас миром. Но разве это реально? Дialeктика жизни в том, что мы все время чем-то недовольны: собой, обстоятельствами, другими, с чем-то боремся, стремимся кого-то или что-то усовершенствовать, улучшить. Вот в самом этом движении к полной гармонии, к устойчивому равновесию надо уметь быть счастливым.